

Л. Г. Бызов
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЦИКЛ 2011/2012 гг. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦЕННОСТНЫХ И
ИДЕЙНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ОБЩЕСТВА (Часть II)

*БЫЗОВ Леонтий Георгиевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института социологии РАН. E-mail: leontiy13@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируются гипотезы о причинах обострения политической ситуации в стране в период избирательного цикла 2011/2012 гг. Используя оригинальную типологию, сочетающую идеологический вектор и отношение к власти, автор описывает содержательные характеристики групп общества, за счет которых произошел всплеск протестной активности, а также недобор голосов партии власти во время парламентских выборов. Показывается, что обострение произошло на фоне сохраняющейся стабильности ценностных и идейных ориентаций общества из-за поляризации ряда групп, ранее вписывавшихся в общий ценностный консенсус путинской эпохи. Отмечается тренд на полевение протестного движения, увеличение в нем леводемократической составляющей за счет либеральной, появление нового поколения лидеров протестной уличной активности. По итогам событий протестной зимы делается прогноз о дальнейшей эволюции партийно-политической системы, появлении в ней новых политических сил и идейных направлений.

Ключевые слова: идейно-политические ориентации, ценности, либералы, консерваторы, националисты, консенсус, протестная активность, партийная система, ценностная поляризация

От идеологической консолидации к поляризации. Что отражает картина двух миров?

Если судить по результатам опросов, проведенных ИС РАН, ВЦИОМ и Левада-центром, позиции партии власти остаются достаточно прочными и после президентских выборов в марте 2012 г. скорее укрепляются, а не ослабевают. Об этом говорят и первые региональные выборы, включая губернаторские, состоявшиеся в октябре 2012 г., в ходе которых оппозиционные партии потерпели серьезное поражение. Если исключить существенные, но банальные причины этого, связанные с маятниковыми колебаниями настроений, сезонными циклами, то главной, на наш взгляд, является во многом принципиальная разнонаправленность протестных настроений социал-консерваторов и либералов.

Как показывают данные мониторинга ИС РАН (май 2012 г.), расхожее мнение о том, что именно либеральный средний класс крупных городов является носителем протеста, в отличие от консервативных нижних слоев, не вполне соответствует действительности. Согласно результатам исследования ИС РАН, среди сторонников коммунистических воззрений

47% считают, что «власть должна быть заменена в любом случае», среди остальной части социал-консерваторов так считают 33%, среди либералов, как правых, так и левых – примерно 29–30%, а среди сторонников сильного рыночного государства – не более 20%. При этом уровень распространения в обществе протестных настроений примерно одинаков. В относительно небольших городах он ничуть не ниже, чем в столичных мегаполисах, и всюду составляет примерно около трети населения, причем он достаточно равномерно распределен и в возрастном, и в образовательном разрезе. Так, отказывают властям в доверии 34% молодежи до 25 лет, 32% пожилых людей старше 60 лет и несколько меньше (примерно 27–28%) россиян средних возрастных групп; 27% тех, кто относит себя к среднему классу, и 33% тех, кто располагается на более низких ступенях социальной лестницы. Взглянув на эти цифры, можно было бы сделать поверхностный вывод о ценностной и социальной гомогенности современных россиян, а корни протестных настроений искать в законах социальной психологии, а не в объективных социальных факторах.

Российская глубинка (и в географическом, и в социальном понимании) имеет не меньше, а даже больше поводов для недовольства властью, чем столичный креативный класс. Но для социал-консервативного большинства нынешняя власть в любом случае воспринимается как меньшее зло, чем московские либералы. Для социал-консерваторов модернизация, перемены – это наведение порядка, борьба с коррупцией, восстановление социальной справедливости и укрепление державной мощи, для либералов – это также наведение порядка и борьба с коррупцией, но одновременно и расширение возможностей для свободного предпринимательства, и борьба за политические права против «государственной тирании». Значимость последней идеи у либералов в 7 раз выше, чем у социал-консерваторов – с соотношением 21 против 3%. На вопрос: «Какой из следующих вариантов перемен в нашей стране Вы бы скорее поддержали», 62% респондентов выбрали ответ «укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и отраслей, жесткое подавление коррупции, ограничение вывоза капитала», и лишь 18% – «либерализацию всех сфер жизни, освобождение бизнеса от власти чиновников, усиление конкурентности, высвобождение инициативы граждан». По мнению еще 12% опрошенных, стране не желательны ни те, ни другие перемены, ей следует сохранять нынешнюю политику и нынешние тенденции. В целом близкие цифры содержатся и в электоральной панели ВЦИОМ – соответственно 71 и 23%. В ходе этого исследования наибольшую долю сторонников либерального сценария продемонстрировали такие группы, как студенческая молодежь и бизнесмены (по 32%), специалисты высокой квалификации (28%), группы с уровнем дохода выше среднего (30%). Как видно, даже в наиболее подготовленных к либеральному сценарию сегментах общества численность ее сторонников не превышает треть. За левоконсервативный сценарий выступают не менее 50–60% населения, в основном это слои общества за пределами среднего и высшего класса. Поддержка подобных настроений в элитах весьма незначительна даже среди тех, кого принято относить к числу силовиков во власти. Среди элит сторонники силового прорыва могут рассчитывать лишь на некоторую часть руководителей ВПК, заинтересованных в концентрации ресурсов страны вокруг оборонного комплекса и в мобилизационной идеологии.

Все это позволяет предположить, что левогосударственнический сценарий в нынешней России, где в должном объеме отсутствует необходимый человеческий ресурс, не может пойти

далее выстраивания бюрократической вертикали власти, что уже было реализовано в 2005–2008 гг. Любые попытки установления авторитарного режима обречены на достаточно быстрый провал. Вектор общественных настроений сегодня направлен не против власти как таковой, а против правящих элит, устранение которых воспринимается многими как необходимое условие для начала любых перемен. А в качестве основных причин экономической отсталости и невысокого жизненного уровня люди видят коррупцию, безответственность властей и чиновничества всех уровней.

Таким образом, настроения большей части россиян явно тяготеют к левогосударственническому сценарию, который можно было бы охарактеризовать как идею своего рода диктатуры развития. Может быть, как следствие, больше перспектив и шире социальная база у либерального сценария модернизации? Картина здесь во многом носит зеркальный характер. Либеральные перемены готовы поддержать не более 15–20% населения, однако среди элит, как показало исследование М. Афанасьева, настроения скорее в пользу либерализации. Впрочем, речь идет не об огромном бюрократическом классе, не заинтересованном ни в каких переменах, а скорее о той части элит, которую вытеснили на обочину генерация силовиков и их выдвиженцы. Это журналисты, политики, не вписавшиеся в контур партии власти, политологи и аналитики, эксперты разного направления, представители культурной и творческой элиты.

Примерно 60% россиян продолжают придерживаться мнения о том, что «страна нуждается в стабильности – это важнее чем перемены», 44% опрошенных уверенно готовы поддержать власть в ее противостоянии с оппозицией, при этом 62% полагают, что «при всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки» (по данным ИС РАН). 67% опрошенных в той или иной форме готовы согласиться с мнением, что дела в стране идут в правильном направлении (24% с этим полностью или скорее согласны, 43% отчасти согласны, отчасти нет и 30% полностью или скорее не согласны). Эти цифры носят достаточно стабильный характер, и по ним трудно говорить о необратимых переменах, произошедших, скажем, с 2007 или 2008 г., когда политическая система, выстроенная В. Путиным вокруг административной вертикали, переживала наиболее успешный период, а общество пребывало в состоянии летаргического сна. Подобная картина в целом весьма характерна для любых обществ, не преодолевших переходный период, с сохраняющейся многоукладностью и пробуксовывающей социальной модернизацией.

Вывод: поляризация российского общества, спровоцированная в ходе избирательной кампании, частично имеет место в реальности, а частично носит искусственный характер, являющийся своего рода политтехнологическим ответом властей на всплеск протестной активности, интерпретированный как бунт либералов. Цели этой поляризации – раскол протестующих, отсечение от либерального меньшинства недовольных из других общественных групп.

Основная типология групп – участников избирательной кампании. Содержательная повестка дня основных идейных групп

Попытаемся операционализировать сказанное, опираясь на данные электоральной панели ВЦИОМ. На наш взгляд, если исключить из анализа сохранившиеся на периферии российского социума остатки традиционного общества, не только с консервативными

парадными ценностями, но и с традиционным типом взаимодействия людей, продуктивнее всего для анализа выделять следующие группы:

- 1 Наиболее массовый слой, представляющий левоконсервативную часть общества, сохранившую консервативные социально-политические ценности на парадном уровне, заинтересованную в укреплении и расширении влияния государства, но реально интегрирующуюся в современное массовое общество.
- 2 Либералы, не заинтересованные в расширении влияния государства, выступающие за его либеральное реформирование, которое способно обеспечить большую свободу экономического и политического самовыражения.
- 3 Промежуточный, буферный, слой, сочетающий консервативные и либеральные ценности и продолжающий оставаться основной опорой политического режима, связанного с именем В. Путина. В этом промежуточном лоялистском слое можно выделить скорее консерваторов и скорее либералов. Для большей выпуклости сложившихся накануне и по ходу избирательной кампании настроений в качестве базовой для дальнейшего анализа можно предложить типологизацию основных электоральных групп, включающую использование двух переменных. Первая отражает роль государства в политике и экономике, вторая – степень лояльности опрошенных существующему политическому режиму в целом и тому курсу, который он проводит: *протестные социал-консерваторы – 21%; лояльные социал-консерваторы – 47%; лояльные либералы – 15%; протестные либералы – 8%.*

Операциональной основой для данной типологизации являются вопросы, отражающие выбор (на дихотомической основе) между укреплением государства или его либерализацией, а также вопрос о том, оценивают опрошенные курс, которым идет страна, как правильный или неправильный. К последнему вопросу близок и вопрос о намерении голосовать за власть или же за оппозицию, но его минусом является то, что около трети опрошенных затруднились дать на него ответ. Это связано с тем, что, если у левых консерваторов есть своя общепризнанная оппозиция в законе в лице КПРФ, то у либеральной части такой оппозиции нет. Значительная часть оппозиции, как консервативной, так и либеральной, в принципе, готова поддержать курс, которым идет страна, но не всегда готова поддержать власть в ее персонифицированном варианте. И все же ради чистоты анализа приведем наполнение тех же групп, если их выделять на основе дихотомии власть–оппозиция: *протестные социал-консерваторы – 18%; лояльные социал-консерваторы – 32%; лояльные либералы – 9%; протестные либералы – 6%.*

Представление о том, что либерально ориентированные граждане сосредоточены почти исключительно в Москве и Петербурге, сильно преувеличено. Однако протестных либералов, готовых поддержать оппозицию, а не власти, в Москве действительно больше – свыше 12% от общей численности взрослого населения, причем протестно настроенные либералы составляют более 50% от общей численности либералов. Среди консервативно-государственнической части москвичей оппозиционно настроена примерно треть – более 22% от общего числа опрошенных жителей столицы. Самый высокий уровень консервативной протестности приходится на крупные города с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн – около 34% от общей численности их населения. Если к ним добавить еще 10% либеральных

оппозиционеров, то окажется, что именно в этом типе городов самый высокий в современной России протестный потенциал, а самый низкий – в селах и поселках городского типа. В Москве и Петербурге налицо совмещение двух тенденций: с одной стороны, высокий уровень жизни и благоприятный рынок труда, с другой – наличие креативного, экономически независимого среднего класса, который может себе позволить выступать против государства и власти. Именно для протестной части либералов характерен наиболее высокий образовательный уровень (более 72% имеют оконченное или неоконченное высшее образование), к тому же это самая молодая часть общества – 44% составляет молодежь до 34 лет (у протестной части консерваторов эта цифра не дотягивает до 27%). Что касается деятельности президента России, то среди лояльной части электората показатель одобрения составляет около 75%, а среди нелояльной – 34% у носителей консервативного протеста и 37% у носителей либерального протеста. Понятно, что либерально настроенный средний класс, будучи моложе и образованнее, значительно интенсивнее консерваторов и государственников пользуется Интернетом – 43 против 32%. Среди недовольных консерваторов наиболее значительную группу представляют пенсионеры, а среди недовольных либералов – студенты. У недовольных либералов материальное положение скорее среднее (по шкале, характеризующей самооценку материального положения, – 63%), хотя существенных различий с другими группами не наблюдается. Интересно также, что если уровень благосостояния либерально настроенной части россиян в целом достаточно высок, значительно выше, чем у консерваторов, особенно протестно настроенных, то деление либералов на протестных и лояльных в значительной степени обусловлено уровнем достатка – оценивают ситуацию как благоприятную 46% лояльных либералов и лишь 27% протестных.

Тенденция приватизировать партию власти одной из противостоящих групп общества не всегда подтверждается социологическими данными. Так, 63% респондентов продолжают воспринимать общее направление, по которому идет современная Россия, как позитивное. В наибольшей степени этот курс соответствует установкам умеренных либералов (72% полной или частичной поддержки), но и во всех остальных группах он превышает отметку в 50%. Наиболее низкие показатели поддержки у радикальных либералов – 54%, неслучайно именно эта группа доминировала на протестных митингах с декабря 2011 г. по март 2012 г., но и здесь она превышает половину от общего числа опрошенных. Необходимость в стране жесткой руки, которая наведет порядок даже в ущерб свободам и политической демократии, находит поддержку 63% опрошенных. Однако эта позиция не является консенсусной, так как с ней согласны лишь около 35% представителей либерального, «новорусского» сегмента общества. Зато мечту о твердой руке поддерживают 74% консерваторов. Все группы опрошенных в той или иной степени готовы согласиться с тем, что «Россия должна быть великой державой с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире». Это традиционное представление о роли российского государства, в последнее время все более оспариваемое «новорусскими» группами, особенно молодыми русскими националистами, сторонниками создания национального русского государства европейского типа. Всего великодержавную позицию разделяют 66% россиян, среди государственников, как радикальных, так и умеренных, эта цифра достигает отметки в 73%, а в либеральных сегментах общества ограничена уровнем в 52%. Таким образом, в отношении представлений о будущем России российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся консерваторы, самая многочисленная группа, на другом – либералы, как

правые (сторонники рынка), так и левые (сторонники социальных приоритетов). Консерваторы поддерживают традиционный образ России – могучего государства, державы с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, противостоящей Западу и западной цивилизации. В то же время они мечтают о стабильном, спокойном развитии, а не о революциях и смутах. Либералы, напротив, ориентированы скорее на минимизацию государства, снижение его влияния на бизнес и гражданское общество, формирование правового общества, в котором бы выше ценились демократические права и свободы. При всех различиях, оба эти полюса имеют много пересечений. В частности, нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимается скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени либералами). И либералы, и социал-консерваторы не готовы поддержать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм; и тех, и других скорее привлекает какой-либо промежуточный вариант, который включал бы и элементы рынка, и элементы социалистической экономики.

Интересно проследить систему политических ценностей и предпочтений, характерных для различных России с учетом их лояльности властям или протестности. Консервативная часть общества ориентирована скорее на стабильность (60% протестных консерваторов и 68% лояльных). Либеральная часть спектра в этом отношении поделена примерно пополам – за стабильность выступают 52% лояльных либералов и 46% протестных. Это единственная группа, предпочитающая перемены стабильности. Консерваторы в целом являются убежденными сторонниками жесткой руки и перемен, проводимых сверху – около 66%, тогда как среди либералов немногим более 50% тех, кто ориентирован на перемены снизу с опорой на общество и демократические институты. Более 75% консерваторов (в том числе 80% протестных) выступают за наведение в стране порядка твердой рукой, среди либералов эта цифра составляет немногим менее 50%. Большая часть консерваторов и либералов выступает за самостоятельную политику России, а не за вхождение России в союз с ведущими странами Запада. Таким образом, западники, представляющие не столь многочисленную, но довольно громкую группу, составляют менее четверти взрослого населения России и даже среди сторонников либерального пути развития не доминируют. Все, без исключения, рассмотренные группы полагают в своем большинстве, что государство должно оказывать помощь и поддержку всем своим гражданам (88–89% консерваторов и 74–75% либералов), а доля тех, кто считает, что граждане должны сами заботиться о себе, не превышает 13% от всех опрошенных и 22–24% среди граждан либерального сегмента. Во всех группах российского общества с небольшим перевесом преобладает интернационалистский подход к решению национального вопроса (от 53 до 62% респондентов считают, что Россия должна оставаться многонациональным государством), а сторонников объединения русских для защиты своих национальных интересов – от 37–40% в стане консерваторов до 42% в группе протестных либералов, что подтверждает наличие не слишком ярко выраженного тренда, направленного на сближение позиций русских националистов (младонационалистов) с оппозиционной частью либералов. И наконец идея великой державы с мощными вооруженными силами очень популярна в консервативной части общества, особенно в ее лояльном сегменте (71%), и менее популярна среди либералов (54–55%). Словом, при больших расхождениях либералов и консерваторов многое объединяет.

Наиболее недовольными положением дел в стране остаются сторонники коммунистических взглядов. Это единственная группа, в которой недовольные явно преобладают (52 против 41%). Однако недовольство в ней носит ультраконсервативный характер, который состоит в неприятии не столько нынешней власти как таковой, сколько всей постсоветской действительности, связанной с утратой социальных завоеваний и статуса великой державы. Именно поэтому это недовольство совершенно безопасно для нынешнего политического режима, в отличие от недовольства пресловутого креативного класса. Вполне лояльны властям и курсу страны почти в равной степени социалисты различных взглядов, включая сторонников сильного и социально ориентированного государства, умеренные рыночники – сторонники сочетания сильного государства и рыночной экономики, а также многочисленные патриоты-державники. Все эти группы были и остаются ядром поддержки власти и правящего курса, хотя, как показали итоги выборов, далеко не все из них поддержали «Единую Россию» на парламентских выборах, но почти все – В. Путина на выборах президентских. Достаточно много (38%) недовольных положением дел в стране среди новых националистов, резко размежевавшихся с традиционными для России патриотами, однако социальный вектор их недовольства также не сконцентрирован в едином направлении – часть националистов готова присоединиться к консервативному протесту (21%), а почти такая же часть – к либеральному (17%). И наконец значительное (в пропорции к этой самой немногочисленной группе) число недовольных положением дел в стране делегирует в стан либералов группа рыночников, сторонников сокращения государственного вмешательства в экономику.

Остановимся еще на одном важном моменте исследования. В одном из панельных опросов была использована методика «семантического балкона», в ходе которой опрошенным предлагалось из 36 понятий выбрать до 10 наиболее поддерживаемых, оцениваемых позитивно, и наименее поддерживаемых, оцениваемых негативно. Различия в идейном наполнении основных выделенных типов есть, но сходства намного больше, чем различий. Центристские, лояльные властям группы общества на первое место ставят порядок, а справедливость лишь на второе. Недовольные своим положением группы общества как в его консервативном, так и в либеральном сегменте отдают приоритет идее справедливости. Среди недовольных либералов весьма высокие позиции занимает идея нации, что тоже вполне объяснимо общей логикой развития протестных настроений. Причем идея нации соседствует с идеей защиты прав человека.

Вывод: несмотря на внешнюю идеологическую полярность социал-консерваторов и либералов, сохраняется достаточно большая политическая и идеологическая «поляна», которая продолжает их объединять. Нынешнее лоялистское большинство по-прежнему образуется из союза умеренных консерваторов-государственников и умеренных либералов-государственников. Это означает, что наметившаяся поляризация общества пока не носит необратимого характера.

Протестная активность основных идейных групп общества в ходе избирательной кампании

Рассмотрим декларируемую готовность тех или иных политических сил участвовать в акциях массового протеста, которую они оценивали накануне думских выборов, перед наиболее активной вспышкой уличной протестной активности в конце 2011 г. Как

относительно высокую степень вероятности своего участия в этих акциях (позиции 8 и выше по 10-балльной шкале) оценили 19% протестных консерваторов, 8% лояльных консерваторов, 9% лояльных либералов и 20% протестных либералов. Аналогично – 22% сторонников коммунистических взглядов, 10% – некоммунистических левых, социалистов и социал-демократов, 6% сторонников сильного и социально ориентированного государства, 9% сторонников сочетания сильного государства и рыночной экономики, 23% русских националистов, 11% национал-патриотов, 11% сторонников сокращения государственного вмешательства в экономику, сторонников свободного рынка. Все эти цифры отчетливо показывают, что накануне выборов наиболее высокую готовность к участию в протестных акциях выражали не столько городские либералы, креативный средний класс, сколько представители радикальной левоконсервативной оппозиции и русские националисты, как их сейчас часто называют младонационалисты. Это, конечно, связано не только с настроениями как таковыми, но и с более развитыми традициями протестной активности именно в националистическом и коммунистическом секторах идейно-политического спектра.

Политика власти вкупе с ошибочной тактикой либеральной оппозиции сделала свое дело: националисты и левые радикалы, бывшие в ноябре-декабре наиболее ударной протестной силой, на время, совпавшее с наиболее активной частью президентской кампании, были вытеснены на периферию протестного движения, а само движение все в большей степени оказалось приватизировано либералами, особенно в столичных мегаполисах.

Другая форма протеста – не участвовать в выборах, не ходить на избирательный участок, по крайней мере на уровне декларируемых намерений, – в несколько большей степени характерна для протестной части либералов, 22% которых накануне выборов либо вовсе не собирались голосовать, либо скорее всего не собирались. Аналогичная цифра для протестной части консерваторов – 20% – несколько ниже, вероятно, в силу того, что в их распоряжении имелась партия в лице КПРФ, которая заведомо проходила в Думу, а у либералов такой очевидной оппозиционной партии нет.

Впрочем, тенденция доминирования либеральной общественности на протестных акциях в поствыборный период не получила последовательного развития.

Вывод: Если изначально протестные настроения были сильнее в консервативной части общества, то поляризация способствовала консолидации части консерваторов вокруг власти. Наиболее активной частью протестных митингов стали не традиционные городские либералы, не «норковые шубки», а леводемократическая интеллигенция, далеко не в полной мере входящая в средний класс, студенчество. Леводемократическую интеллигенцию объединяет немало точек пересечения с новыми левыми, не входящими в КПРФ, и новыми националистами, поэтому именно на этом сегменте идеологического поля в поствыборный период следует ожидать появления новой политической силы.

Стратегия партийного выбора и партийных предпочтений в ходе избирательной кампании

Перейдем к центральному избирательному сюжету – как происходил на протяжении панели выбор той политической партии, за которую голосовали на выборах в декабре, и как мог бы измениться выбор избирателей, если бы выборы состоялись немного позже.

Среди вопросов, представляющих особый интерес, такие: за счет каких групп произошло сдувание «Единой России» в ноябре-декабре и, соответственно, восстановление позиций партии власти к президентским выборам? какова тактика протестных групп разной направленности на парламентских и президентских выборах, учитывая, что на парламентских выборах не было сильной партии, способной аккумулировать либеральный протест? насколько велика способность действующих парламентских партий аккумулировать идейные и ценностные противоречия общества? Можно ли в этой связи ожидать, учитывая вероятное расширение партийно-политического меню, ввод в большую политику новых сильных партийных игроков, способных потеснить партии-ветераны? Последний вопрос переносит анализ в плоскость, выходящую за пределы собственно завершившегося избирательного цикла. Важно попытаться понять, каковы ресурсы сохранения или поддержания политической стабильности в предстоящие годы. Возможно ли объединение против действующей власти разнонаправленной протестной оппозиции, как это на короткое время произошло в минувшем декабре? В чем может состоять реформа политической системы, если двигаться в направлении ее большей адекватности новому состоянию общества, его идеям и ценностям?

Судя по полученным данным, реальное неучастие в выборах в среднем в 2–3 раза превосходит намерение не участвовать. Если намерение не участвовать является одной из форм выражения протестных настроений, то увеличение в разы этой цифры при реальных выборах является формой демобилизации тех или иных групп. При этом демобилизация практически не затронула электораты всех основных политических сил, играющих на оппозиционном поле, и очень сильно снизила результаты «Единой России». В наибольшей степени «Единая Россия» не досчиталась голосов не за счет протестных групп и не столь многочисленных и изначально не горевших желанием голосовать за эту партию, а в первую очередь за счет лояльной ранее части либерального сегмента.

Причины относительного провала «Единой России» на выборах надо искать не столько в изменении ценностных полей, сколько в конкретной политической ситуации, непосредственно предшествовавшей выборам. А эта ситуация, напомним, характеризовалась яростной атакой либеральных СМИ и Рунета на «партию жуликов и воров» и ее неформального на тот момент лидера В. Путина, объявившего о своем намерении вернуться в президентское кресло. В результате значительная часть ранее лояльной части либералов (либералов-государственников) предпочла остаться дома, чтобы избежать морального осуждения со стороны своей референтной группы, коллег по работе, просто знакомых – за соучастие в легитимизации «преступного режима». В этот период голосование против партии власти стало более конформистским выбором, чем голосование «за». Своего рода электоральным антиподом «Единой России» стала «Справедливая Россия», которая собрала на реальных выборах голосов больше, чем могла рассчитывать как до, так и после выборов. Этим она обязана не столько собственным заслугам, сколько низкому антирейтингу, сделавшему голосование за «Справедливую Россию» приемлемым для многих вариантом, и репутацией относительно нового политического проекта. Но по своей совокупной массе все же не «Справедливая Россия», а КПРФ стала главным бенефициантом протестного голосования, коли даже в протестной части либерального сегмента она заняла первое место, причем в условиях диаметрально противоположных идейных ценностей. Очевидно, в данном случае сработала тактика, предложенная А. Навальным: голосуй за любую партию, кроме «Единой России», которая заведомо проходит в Госдуму. Голосование же за более идейно близкие

либералам «Яблоко» и «Правое дело» носило довольно вялый характер (возможно исключая московский результат «Яблока»). Эти партии с 2003 г. обрели клеймо заведомых неудачников, у которых нет шансов, и эта репутация стала мощным фактором оттока от этих партий даже большей части ранее ядерного электората.

Вывод: относительно низкий результат «Единой России» на парламентских выборах имел первоочередной причиной не столько разочарование части ее прежних сторонников в политике властей, сколько информационное давление со стороны значительной части СМИ и Рунета, вызванное конкретной политической ситуацией в конце 2011 г.